Мне было девять лет, и я шел по школьному коридору во время перемены, читая книжку на ходу. Неожиданно я столкнулся с чем-то мягким, но от неожиданности удар получился резким, и я упал на жёсткий и холодный бетонный пол. Больно ударился затылком, в голове всё зазвенело, разом оглохло и смешалось, а следом мне на лицо прилетела книжка.

- Ой, извини, прости, с тобой всё в порядке, не ушибся? Ничего не болит? Ты в каком классе учишься? В пятом? Ну, да, ты же уже такой большой, ты, наверное, учишься в шестом классе? Да?

И всё в том же духе, без остановки, а у меня всё плывёт, кружится и двоится, и я никак не могу ухватиться за этот мир. Мутит то ли от удара, то ли от мира, то ли от её бредовых речей и бессмысленных вопросов — сногсшибательная встреча.

- Тебя как зовут? А меня — Лукерья Эдвардовна Сульп, но ты зови меня Луша. Давай дружить? Только не рассказывай никому, что я тебя сбила, ладно? Очень, очень стыдно. Извини меня, пожалуйста...

Так я познакомился с Лушей – она работала у нас библиотекарем. Ей было чуть за двадцать, высокая и мягкая, словно облако, – в лёгком белом платье и с большой копной кудрявых, золотых волос. Мне она напомнила свежую школьную булочку – такая же пышная и румяная.

- Сеня...
- Что?
- Мама называет меня Сеня, я приподнялся и присел, поднял книжку.
- Здорово, а я у вас библиотекарь. Ты книжки любишь читать? Я вот люблю. Ты что любишь а я вот Тарзана обожаю...
  - А кто это?
  - А приходи в мой кружок узнаешь.
  - Какой кружок?

Я насторожился — никогда я не любил других мальчиков, а заодно и девочек, ибо особой разницы между ними не обнаруживал.

- «КЮБ», сказала она.
- Куб? Переспросил я.
- КЮБ «Кружок Юного Библиотекаря», ответила мне Луша.
- Надо подумать, ответил я, и, поправив несуществующие очки, уточнил, А кто ещё там будет?
  - Ну, мы посмотрим кто придёт.

Луша лгала, никакого кружка не существовало – она его только что выдумала.

 Надо подумать, у меня много дел и мало времени, – я тоже лгал. Потом сходили в медкабинет – сестра осмотрела меня и заключила:

- Ерунда, шишка до свадьбы доживёт.
- В смысле заживёт? Переспросила Луша.
- Определённо.

В общем, в библиотеке появился кружок, и кроме меня, никто там не появился. Ведь именно мне Лукерья Эдвардовна поручила пригласить кого-нибудь, чтобы не было скучно. Разумеется, я никого не пригласил, ибо, во-первых, я всё ещё боялся детей, во-вторых, они меня недолюбливали, в-третьих, выговорить Лукерья Эдвардовна мог только я.

Так я оказался в библиотеке Луши, а заодно и в её жизни.

Лет с пяти я читал нещадно, поглощая одну книгу за другой — читал везде и всё, до чего дотягивались мои руки: странные фантастические романы, таблицу Менделеева, Эрнеста Сетона-Томпсона, подшивку журнала «Наука и Жизнь» за 86 год, газеты, марки, инструкции. Читал в свободное время, вместо сна и на переменах, иногда прямо на уроках, нередко и по предмету. Поэтому оказаться в библиотеке для меня было всё равно, что коту попасть в лавку мясника.

Теперь после уроков я смело оставался в библиотеке — якобы в кружке. Сразу от входа и налево стояло несколько парт, за которыми я иногда читал книжки, а чуть глубже, перегораживая проход вглубь, — стол Луши. Но я теперь имел доступ в святую святых — к стеллажам с книгами, где чаще всего и обретался. По правде говоря, здесь мне нравилось больше — тут было немного сумрачно и тихо, иногда немного пыльно и пахло бумагой. Идеальное место для побега от реальности.

Луша же чаще всего сидела за своим столом и болтала с медсестрой из соседнего кабинета. Когда не работали, они пили чай и болтали. Их болтовню я, конечно, не слушал, но всегда находился где-то рядом и потому всё слышал. С учётом того, что Луша была ужасно болтлива и докучала своей болтовнёй всем вокруг, а медсестра любила пить чай, то я был в курсе всего, что происходило в её жизни.

Луша была мастер перекуса и чаепития — она знала десятка полтора вариаций бутербродов и обожала сладкий чай. Никогда больше ни один человек не сумел впечатлить меня бутербродом, а Луша могла. Бутерброды были то горячие, то маленькие канапе, то хрустящие, и, по-моему, даже сэндвичи были. Школьную столовую Луша отчего-то избегала — любила там только выпечку — свежие, горячие булки, которые разрезала пополам и мазала сливочным маслом, отчего оно таяло и пропитывало мякиш. Как правило, чаепития растягивались на полдня.

Обычно всё происходило так — Луша приносила из дома пять-шесть видов бутербродов, количеством около десятка, приглашала медсестру — Луизу:

- Загляни на пять минуточек.
- Ага, сейчас.

Луша ставила большой электрический самовар, ополаскивала кипятком пузатый, белый заварник с ситечком на носике, раскладывала бутерброды.

- Сеня, угощайся.
- Спасибо, я выныривал из-за стеллажа, забирал два бутерброда и маленькую чашку чая и удалялся к книгам.

Приходила медсестра, начинался процесс общения — Луша говорила, соседка по кабинету пила чай из блюдца и поддакивала. Они походили на двух купчих — румяные и потные от горячего чая. Иногда медсестре приходилось снимать шапочку — становилось жарко.

Я допивал чай, благодарил, уходил на урок, возвращался – всё было по-прежнему. В среднем рабочий день равнялся одному самовару. В библиотеке я проводил практически всё свободное время — приходил на переменах, оставался после школы, однажды даже прогулял урок — физкультуру. Участие в кружке и некоторая социализация придали мне уверенности в себе, поэтому для солидности я стал ходить с дипломатом, который выпросил у дяди.

Луша была девушка молодая и одинокая, парня не было, отца тоже — жила с матерью. Но при этом у неё завелся поклонник — сантехник Силаев, который обслуживал школу. Началось с того, что из вежливости его угостили бутербродом, а

потом он начал заходить сам и ухмыляться рыжими усами. Глаза при этом у него были жёлто-зелёные, как у кота. Работал он в местном ЖЭКе, но в школу стал заходить всё чаще и чаще. Как и все мы, он, в сущности, был не плохой человек, но в частности – вёл себя по-свински, за что однажды и получил сотрясение мозга.

Было это так.

Накануне у Силаева был праздник, и тем утром организм требовал продолжения банкета. Сантехник не стал противиться природе и, как выразился сам, — «смазал серость будня, плеснувши водки из стакана», ради чего пришлось занять пятёрку у секретарши. Видимо, ему стало заметно лучше, потому что во второй половине дня он стал гораздо веселее, и теперь сходство с котом было совершенным.

Видимо, он шёл по школе, по обычным своим сантехническим делам, когда явилось ЭТО – ангел во плоти.

Лукерья стояла на стремянке, как всегда, что-то переставляя на полках. В кремовом платье, которое совершенно не скрывало подколенных ямочек, а в некоторые моменты, когда приходилось тянуться на верхнюю полку... О-о-о! Этой пытки Силаев вынести не мог, ему почудились праздничный звон колоколов, зима, тройка, он – барин, она – в шубе, он целует невесту...

И он ринулся! Очень медленно и тихо, конечно, но, по его ощущениям, быстрее ветра. Он понёсся к своей мечте, и утонул лицом в безмерной мягкости её «бытия».

От испуга Лукерья присела, причём ровно сантехнику на лицо. Что оно выражало в тот момент — неизвестно, ибо было закрыто от посторонних взоров, а сам геройлюбовник находился на небесах и вразумительного ответа всё равно бы не дал. Вместо этого, он издал стон блаженства. Луша поняла, что то, на чём она сидит, — это человек и, судя по запаху, — сантехник Силаев.

И тут же время возвратило свою скорость и обрушилось на голову влюблённого «Толковым словарём живого великорусского языка» Даля. Свет померк, и незаслуженно вторгшийся в пределы рая, сантехник Силаев был изгнан оттуда прямо в Городскую клиническую больницу № 2, что возле Хлопчато-Бумажного комбината.

Сантехник Силаев впредь ненавидел как самого Даля, так и слово «даль», не видя между ними особой разницы. Но он жестоко отомстил – украл где-то огромный словарь и использовал его каждый раз, когда требовалось «смазать серость будня» – вырывал из него листы, дабы разложить селёдку, колбасу, сало и прочий «закусь». Я затем несколько лет видел, как он таскается возле моего дома с этим словарем в сумке через плечо, как с символом его разбитого сердца и потрясённого мозга

После инцидента стало как-то неловко, и мы сели пить чай. Тогда Луша рассказала мне историю своей первой любви. Однажды ей приснилось, что она влюблена в одноклассника, и вот она пробудилась: оглушённая, со странным томлением и жжением в груди.

Сначала никто ничего не заметил, потому что все привыкли воспринимать её фоном, как шум листвы, а через некоторое время до всех дошло — что-то не так. Это было непонятное, и где-то даже пугающее явление в жизни класса — Луша молчала!

Когда она рассказывала мне об этом, я спросил её:

- А что, он был красив?
- Да нет.
- Умён?
- Нет.
- А за что ты его полюбила?
- Я не знаю, мне приснилось, что я его люблю. Подумалось, что сон вещий.

Сначала она никому ничего не рассказывала, но потом решилась поделиться с Мамитой – так она называла свою маму. Мамита выслушала её, но ничего не сказала – просто рассмеялась и смеялась, смеялась без остановки.

Иллюзия исчезла так же тихо и внезапно, как и появилась, не было никакого грохота падающих декораций и треска разрывающейся ткани существования.

- Это не было больно, это ощущалось как атмосферное давление, - продолжала она. - Тупое, непрестанное давление – простое механическое воздействие. Пустота внутри ничему не сопротивлялось, и я почувствовала себя раздавленной. Со временем

я научилась заполнять эту пустоту внутри: едой, болтовней, чтением, но всё это было настолько мелко и незначительно, что сгорало, как хворост, а потому мне всё время требовалось ещё.

Она продолжила:

- Мы живём, будто мы родились для того, чтобы умереть, но ведь это не так – мы рождены, чтобы жить, так отчего мы не живем, а боимся?

На миг глаза Луши загорелись и стали живыми, но потом потухли.

Она взглянула на меня пустым взглядом и сказала:

- Но я думаю, всё будет хорошо, ведь иначе не бывает, правда?

Хорошо не стало, но и плохо тоже – всё было, как обычно, каждый день.

Следующей весной ленивое дребезжание жизни школы несколько изменилось.

- Деваньки-и-и-и! Вы зна-и-ти? В школу к нам учителя присылают!

- Давно пора! А то один Гундаренко в школе – старый хрыч!

- Лампочка- то?

- Перегорела лампочка, толку от него никакого. Лысый как колено.
- Зато ведь офицер бывший.
- Не столько офицер, сколько бывший.

Однако воображение у дам разыгралось не на шутку, каждая мечтала о Мужчине. И эта фантазия, словно зараза, с бешеной скоростью распространилась по государственному образовательному учреждению и захватила все умы. Никто ни о чём думать больше не мог. Только Луша молчала, но захваченные позывами вечно похотливого тела, педагоги женского пола перестали замечать что-либо кроме себя.

Иногда, попивая чай в учительской, они все разом замолкали, а потом, насладившись иллюзией, приходили в себя, и каждая начинала излагать, что там ей в голове привиделось.

В действительности же явилось то, чего они даже представить не могли. Они уже были готовы ко всему: военный, моряк, спортсмен, красавец, Джеймс Бонд, бабник, в конце концов.

А явился просто Кузнецов Пётр Николаевич.

Когда он зашёл в учительскую – его попросту не заметили, все были заняты обсуждением.

- Здравствуйте, я Пётр Николаевич – новый учитель информатики.

Надо сказать, новый учитель немного растерялся — на него никто не обратил внимания, он конечно к этому привык, но с таким явным игнорированием собственной личности ещё не сталкивался.

- Здравствуйте! Я Пётр Николаевич – новый учитель информатики!

Некоторые дамы насторожились – им что-то померещилось, но головы никто не поднял.

- Здравствуйте, Вы наш новый учитель информатики?- Спросила Луша, подошедшая из-за спины.
- Да. Здравствуйте, меня зовут Пётр Николаевич я ваш новый учитель информатики.

Многократно повторённая фраза о том, что он учитель информатики, потеряла всякий смысл, и никто ничего не понял.

Наконец он сообразил и сказал:

- Я у вас информатику преподавать буду...

- A-a-a... - только и смогла протянуть Лукерья, странное чувство охватило её – казалось, будто она его уже где-то видела.

Пётр Николаевич был счастлив от того, что наконец-то его кто-то заметил и потому схватил Лушу за руку и стал её трясти, она выдернула её и обратилась к остальным, крикнув через его голову:

- Девочки! Вот ваш новый учитель.

Девочки, даже те, кому было далеко за пятьдесят, встрепенулись и оглядели пришельца, затем на некоторое время впали в ступор, а потом все разом отвернулись, и только кто-то тихо сказал:

- А... здравствуйте.

И всё.

Дело в том, что Пётр Николаевич имел зауряднейшую внешность, ну, совершенно обыкновенную, он был как спецагент — его невозможно было заметить или описать. Мозг искал — за что бы зацепиться, но ничего не находил. Можно было десять минут кряду разглядывать его в упор, а через минуту не вспомнить, как он выглядит. Он был настолько неприметен, что в голове не укладывалось.

При этом создавалось впечатление, что подобное положение вещей его совершенно не угнетало. К Петру Николаевичу с первого дня стали относиться так, будто он всю жизнь здесь работал, а ему, видимо, только того и надо было.

Жизнь пошла своим чередом. Луша оставалась всё той же взбалмошной библиотекаршей, продолжая смущать людей своей откровенностью. К сожалению, вскоре это обернулось для неё не самым лучшим образом, но узнал я об этом чуть позже.

Проходило обычное собрание, директор школы – огромная женщина с башней из рыжих кудрей – снова готовилась стать депутатом. По этому поводу и шло собрание – присутствующим предлагалось убедить родителей школьников голосовать за неё. Слушали все, в основном, вполуха, физкультурник Шарыпкин дремал, изредка кивая головой, Пётр Николаевич Евграфов (новый учитель информатики) – сидел ровно и улыбался, военрук Гундаренко слушал внимательно, насупившись. Женская часть коллектива безучастно внимала.

Сначала речь шла плавно: перестройка, гласность, выборы, демократия. Но в какой-то момент что-то пошло не так — судя по всему, машинописный текст кончился, и директору пришлось импровизировать. Она начала заговариваться и повторяться, возникла неловкая пауза, но все делали вид, что всё в порядке.

В этот момент Луша дружелюбно улыбнулась и на всю учительскую громко произнесла:

- Раиса Александровна, Вы, наверное, уже и сами не понимаете, что нам объясняете?

Луше хотелось поддержать директора и сгладить момент, но что-то пошло не так. Лицо директора побагровело, секретарша Люда открыла было рот, но не решилась ничего сказать. Гундаренко молча повернул голову и сурово взглянул на Лушу, Шарыпкин проснулся и глядел на всех красными, ничего не понимающими глазами. Пётр Николаевич улыбался. Женская часть коллектива замолчала ещё больше. Секретарша нервно улыбнулась, кивнула головой и пожала плечами.

Раиса Александровна молча покинула учительскую.

Так, в истории Луши начались тёмные дни. Если раньше её недолюбливали, но общались, хоть и снисходительно, теперь же ей объявили бойкот от имени всего правительства, партии и школы.

С Лукерьей перестали разговаривать даже школьники, а что ещё хуже, люди перестали делать вид, что слушают. Правда, первую неделю её это нисколько не смущало — она просто ничего не заметила. Но потом добрые люди объяснили, что ей объявлен бойкот,и тут Лукерья расстроилась — она знала значение этого слова.

Однако выяснилось, что есть в школе человек, который готов общаться с ней, несмотря ни на что – это был наш учитель информатики. О нём просто не вспомнили, когда собирали педсовет.

Далее известно, что когда он принёс заявление об увольнении, директор спросила:

- А Вы собственно кто?

Он ответил. Директор удивилась, но бумагу подписала.

- Людк, а что у нас была информатика? Это что за предмет такой?
- Ну, это, знаете, компьютеры такие, там ещё магнитофон с кассетой вставляешь...
  - A-a-a... Свободен! Раиса Александровна улыбнулась и поставила подпись. Так ушёл Пётр Николаевич, а вслед за ним из школы исчезла и Лукерья.

Я прожил ещёсколько-то лет, школа кончилась, пролетело студенчество – друзей

так и не появилось, а книги уже не помогали. Меня целиком охватило ощущение внутренней пустоты, оно ощущалось как атмосферное давление — тупое и непреходящее. Пытаясь ухватиться хоть за что-то, я вспомнил Лукерью Эдвардовну. Выяснилось, что никогда и ни с кем я не дружил больше, чем с ней, никогда никого столько не слушал и не разговаривал. Даже в гостях я был лишь только у неё — правда, всего раз.

В тот день Луша купила торт «Рыжик» с кремом из варёного сгущённого молока. Мы торжественно несли его мимо старых пятиэтажных домов и обрезанных тополей. Наверное, был июнь, потому что пуха было очень много. Лукерья жила на улице 50 лет Октября, в 19-м доме, на четвертом этаже.

В квартире нас встретила Мамита – это была большая старая женщина. Квартира была однокомнатная и очень маленькая, с такой же маленькой кухней и балконом, в окна которого упирались ветви старого клена. Мы сели на кухне и стали пить чай и есть торт. Нам с Лушей досталось по кусочку.

Мамита оказалась такой же болтливой как и её дочь — за час с небольшим она рассказала всю историю их небольшой семьи: что отец Луши бросил их, когда она ещё не родилась, что в юности она была туристкой и познакомилась с ним в походе. Его звали Эдвард, потому что он из Риги, а её он называл «Солнышко лесное» - этот кусок она мелодично пропела.

Воспоминания навеяли на меня грустные мысли: мне уже за двадцать, а ведь это уже почти тридцать, а я и не жил до сих пор. Вся жизнь — там в памяти, как было бы хорошо туда вернуться. Чем я занимался все эти двенадцать лет? Зачем? Кто я, в

конце концов? Я ощутил себя так, будто очнулся после тяжёлого сна и порадовался, что не очнулся перед смертью.

Отягощённый невеселыми мыслями я брёл по улицам, пока ноги не привели к дому Луши. Вечно открытая старая деревянная дверь подъезда, отшлифованные ступени лестницы. Поднялся на четвёртый этаж — дверь всё такая же: обита поролоном и искуственной кожей. Затейливый геометрический рисунок был выбит с помощью гвоздиков с широкими шляпками и проволоки.

Абсолютно та же – ничего не изменилось. А жильцы те же?

Нажал на нкопку звонка, но звука не сулышал.

Дверь открыл какой-то мальчик лет двенадцати.

- Здрасьте.
- Здравствуй...те.
- Илюша. Кто там? Послышался женский голос.
- Не знаю, мам, упырь какой-то.
- А что он хочет?
- Чё те надо?
- Лукерья Эдвардовна здесь живёт?
- Ой, Сеня, это ты? Откуда здесь?

Странно, она узнала меня быстрее, чем я её. Луша превратилась в большую, круглую женщину, такую же, как когда-то была её мать.

- Я так и думала, что не узнаешь я тебя на улице встречала, но ты меня ни разу не узнал.
  - Это ваш? спросил я, глядя вслед удаляющемуся мальчику.
  - Мой.
  - Откуда? Я покраснел.
  - В смысле, от кого? Я позеленел от собственной бестактности.
  - От мужа.
  - Вы замужем были?
  - Да. За Петром Николаевичем.

Я посмотрел в её голубые, когда-то ясные глаза, теперь они были, словно в дымке.

- Пойдём на кухню, - добавила она.

Мы прошли мимо комнаты, в которой Илюша играл во что-то на приставке. Присели на табуретки.

- Как у Вас дела, как Мамита?
- Умерла давным-давно.
- Соболезную.
- Ничего. В жизни всё бывает, даже старость и смерть, и даже если в них не веришь, они всё равно находят тебя. Помнишь, она рассказывала про моего отца, который бросил нас, пока я не родилась?
  - Помню.
- Так вот он нас нашёл случайно, оказалось, Мамита даже не сказала ему, что беременна, а он и не знал про меня. Потом писал ей письма, но она не отвечала, хотел даже приехать, но в тот год она и умерла.
  - От горя?
- Я думаю, от осознания собственной глупости вся жизнь сплошная выдумка и враньё.
  - А Вы не общаетесь с отцом?
- Переписывались немного, но как-то не срослось, что-то не то чужой мне человек, про которого я не знаю ничего, и он про меня. Может, Илюша съездит к нему.
  - Как так случилось, что Вы с Петром Николаевичем... Он, кстати, придёт?
  - Нет его, и не придёт он.
  - А где же он?
- А чёрт его знает провалился в пустоту, из которой явился. Дематериализовался!
  Засмеялась Луша, и на мгновение мне привиделась та молодая, весёлая девушка, но нет всёмираж.
  - Помнишь, в школе объявили бойкот? Сказала она, наливая мне сладкий чай.
  - Конечно.
- Так вот, тогда же со мной никто не разговаривал, кроме него. А он меня даже слушал я сама иногда удивлялась.

И Лукерья стала рассказывать. Выяснилось, что Пётр Николаевич и есть тот самый Петя — её первая любовь. Потом у них что-то началось, наверное, даже роман, она забеременела, и они поженились, родился Илья. А когда ему исполнился год, Пётр Николаевич вышел в магазин и пропал — просто исчез.

- Куда?!
- K маме ушёл жить а на развод подать ему смелости не хватило так и не развелись, но и вместе не живём. Видела его несколько раз в городе от меня прятался.

Посидели в тишине.

- Мам! Принеси мне кофе!
- Бегу, сынок.
- Она побежала, и понесла кофе и булочки.

«Исчезают иллюзии, а вместе с ними исчезают и люди», - подумал я.

Тихо вышел из квартиры, не попрощавшись, захлопнул дверь и пошёл, а потом побежал по дворам, ужё смеркалось.

Иллюзии, фантазии, мечты – вот она, вся жизнь. Хочешь найти жизнь, схватить её а ничего не находишь – не за что её хватать, нет её, одни сны. Всю жизнь создаёшь иллюзии, потом борешься с ними, а лишаешься последней и гибнешь.

Кто же я? Всего лишь иллюзия.

Багровое солнце опускалось за горизонт, заливая пустынные улицы червонным золотом, затем резко нырнуло за дом и исчезло.

Я проснулся, как всегда, от шума, возни, и криков выведенной из себя жены.

- Мам, мам, а ты игрушку взяла? Куклу взяла?
- Мам, мам, а ты игрушку взяла? Куклу взяла
- А шарики мы возьмём? Пережёвывая бутерброд.
- Возьмём, возьмём! Ешь быстрее, и хватит болтать а то на зарядку не успеем.

Луша, моя дочь, не замолкала ни на минуту, ей всего четыре года, но это ей нисколько не мешает. Вечером она не хочет спать, а утром встаёт первой, всех будит и никогда ничего не стесняется.

- Баба Лёля, а ты ведь скоро умрешь? — Спрашивает она у своей прабабушки, в квартире которой мы живём. И у старухи начинается паранойя, что мы ждем еёсмерти, дабы захватить её сокровища, которые она собирала у всех соседей.

Моя Луша целыми днями бегает и плачет, поёт, балуется и кричит, бьёт игрушки, требует, новых, прыгает с дивана, ест конфеты, катается с горок, выводит всех из себя – живёт.

Та, настоящая Лукерья Эдвардовна, несколько лет назад растворилась в пустоте, тело, правда, осталось, и его похоронили, но сама Луша исчезла, а на похоронах я не

Потом я был в школе и узнал, что у неё были проблемы с сыном — он воровал и пил, выносил из дома вещи. Жил за счёт матери, которая его безмерно любила. После её смерти он сразу продал квартиру, а потом и сам пропал.

Так не стало старой Луши. Но она появилась снова – и это уже была Моя Луша.

Луша была так же ужасно болтлива — чем донимала домочадцев и всех, кто с нею сталкивался. Она так же спешила раздать свою душу всему миру. Луша тут же выкладывала первому встречному всё что происходило в еёжизни, и в жизни родителей, и даже по телефону, и даже тем, кто просто ошибся номером.

- Алло это квартира Петровых?

- Нет, это Луша. А вы знаете, что мама с папой поругались, а баба Лёля собирает деньги и складывает их в трёхлитровую банку?!

- А много собрала?

- Много! Почти полная! - Радуется Луша - А сегодня на дачу едет.

- Молодец, девочка ...

- Луша!!! – Это уже кричит моя жена, - Сколько раз тебе повторять – не смей ничего рассказывать чужим людям!

И я гляжу на свою дочь и вижу другую Лушу, и она теперь смотрит на меня изнутри. Но вот она убежала, и я могу продолжать.

Лукерья умерла, а Луша родилась. И, наверное, это хорошо – неизменная, холодная вечность – это так скучно.

Вечная Жизнь играет с нами в прятки — она порой исчезает на мгновение, и мы думаем, что еёнет, но так не бывает. В этом мире жизнь появляется и исчезает лишь для того, чтобы сменить костюм. И нет у неёконца, а начала я не вижу, так что, видимо, и начала нет. Так было, так есть и так будет.

- Мы ушли, дверь за нами закрой.
- Папа я в садик ушла!
- Луша давай уже быстрее, ты на зарядку опаздываешь! Мы же ещё ни разу вовремя не пришли, Луша!!!

Их крики слышны даже из коридора, но ниже третьего этажа уже не так отчётливо.

Тишина. Тикают часы, поскрипывают половицы, прошла прабабушка, у неё на шее лежит серый, глупый кот Васька.

Обычный день. Всё, как всегда.

Простая, обыденная Вечность.